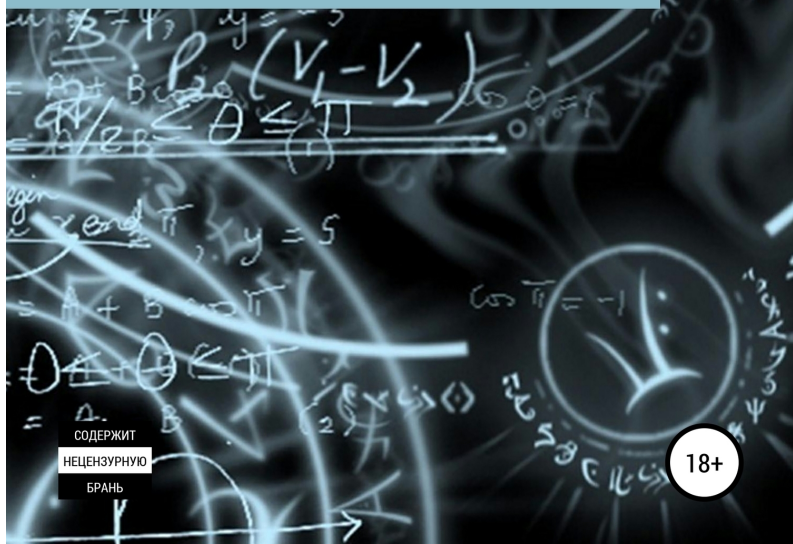

Дмитрий Пермяков

Хромой Плакальщик

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Пермяков

Хромой Плакальщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41517717

SelfPub; 2019

Аннотация

Рассказ нуар о двух днях жизни социального шизофреника. Содержит нецензурную брань.

Хромой Плакальщик

1

«Прекрасный мир ужасен...»

Подумал Платон и решил, что в этой мысли есть что-то философское. Может даже стоит записать. Но мысль дальше не пошла и он, повертев маленький засаленный блокнотик в руке, вернул его обратно во внутренний карман грязного плаща. Не имея постоянной возможности общаться с кем-либо из людей по причине социального статуса, и собственной ненормальности, он приучился вести диалог сам с собой, не замечая, что превращается в безумца. Ещё он записывал всё, что, по его мнению, звучало интересно.

«Природа всего прекрасного в этом мире, помимо Чистоты также несёт в себе переработанные продукты своей жизнедеятельности»

Платон хмыкнул, достал блокнотик, огрызок карандаша и быстро записал мысль. Подумал, постукивая себя карандашом по нижней губе и дописал «Кому-то достаётся жить, вкушая манну Прекрасного, а кто-то довольствуется бультыханием в фекалиях»

Ему не понравилось слово «бультыхание», но больше пока ничего на ум не приходило. Блокнот снова исчез в кармане. Платон поёжился на промозглом ветре, запахнулся плотней

в свой старый коричневый плащ и достал с кармана брюк бутылку дешёвой водки «ПГ». Пирс, где он стоял под разбитым фонарём, пустовал. Ветер вяло гонял по чёрным гнилым доскам настила смятые брошюры, рваные пакеты, целлофановые цилиндрики из-под одноразовых шприцов. Плескалась вода реки Есле, разбивая небольшие волны об деревянные опоры причала.

Платон сделал два больших глотка из бутылки, шумно вдохнул носом воздух, пропитанный запахом сырости, водорослей и гнилых досок и спрятал водку. Со стороны восточных доков, из наползающего с реки густого серого тумана послышался заунывный вой собаки. Скулящий и протяжный как крик баньши. Платон подумал, что псы так воют по покойнику. Слеза навернулась в правом уголке глаза бродяги, набухла и стекла по щеке, оставляя в грязи светлую дорожку. Засаленным рукавом плаща он быстро вытер её. Желудок издал сосущий булькающий звук, ужасно захотелось кушать. Ополовиненная бутылка водки снова появилась в руке. Глоток, ещё глоток, сухой кашель. Платон сжал зубы, чтоб его не вырвало. Алкоголя больше не было, так же, как и денег на него, а до вечера надо было дотянуть.

«Над моей головой висит мост...» вслух сказал Платон, чувствуя, что немного опьянел и сейчас родится очередная, по его мнению, интересная мысль. «По нему проезжают машины. Сотни машин. Я слышу, как гудят клаксоны, как режут двигатели особо мощных автомобилей. Звук еле слышен

из-за высоты моста, но слышен. В этих машинах едут люди. Сытые человеки, в дорогих костюмах, с деньгами в кармане. Для них мир прекрасен. Они чувствуют, выпитывают любовь безликого существа по имени Жизнь... а людям здесь, внизу моста, достаются одни лишь экскременты этой тварьской личности»

Поняв, что вдохновение исчезло также быстро, как и нахлынуло, Платон решил пройтись по берегу в сторону лодочной станции, находившуюся дальше по берегу. Река Есле отмелела, обнажая коряги, сгнившие остовы машин среди которых можно было найти что-нибудь ценное. Чаще всего за добычей бомжи забирались выше по реке, где изобиловали пороги. Там Есле выходила из водного канала, что орошал в сезон полива поля с овощами на северо-востоке Холмтау, и несла свои воды дальше на юг. Канал славился на весь город как самое большое пристанище бродяг, проституток и продавцов наркотиков. Периодически ниже по течению, чаще на порогах, застревали мёртвые тела. Гнездо греха плодило трупов, иначе быть не могло.

Платон стоял под разбитым фонарём, засунув руки в карманы плаща, и слезящимися глазами смотрел сквозь дымку тумана на другой берег реки. Там, сотнями мерцающих огней, горел благополучный район Холмтау. «Для меня этот мир существует, как воплощение мазохистской жажды жить непонятно ради какой цели» Произнёс он вслух. Задумался. Дальше ничего не придумывалось. Вскинув пустую бутылку,

Платон поймал языком последние капли водки, вытер слёзы и, подволакивая левую ногу, двинулся к берегу.

По-осеннему стемнело в восемь. Туман с реки плыл клочками, ветром приносило водяную пыль, которая неприятно пробирала изнутри дрожью. Луна проглядывала сквозь рваные тучи на небе. Дальше по берегу жалобно выл в ночи невидимый пёс.

Платон поднял ворот плаща и натянул на брови вязаную шапочку, чтоб спастись от промозглости. Помогло плохо. Не спеша он ковылял вдоль берега, осматривая выброшенный на берег мусор и хлам. Заметив пустую бутылку, он останавливался, поднимал её, осматривал и если тара была пригодна для сдачи, забирал с собой. Чаще попадались нестандартные бутылки, которые нигде не принимали и он со вздохом выкидывал их в сторону. Основные залежи пустой и годной тары прибывало к первым порогам, почти на выходе из канала. Там промышляли беспризорники, детдомовцы и шпана с улиц. Это была их территория, и Платон не понаслышке знал, что малолетки бывают очень жестоки на расправу с нарушителями их границы.

«То место под разбитым фонарём...» пробормотал мужчина себе под нос. «Я там стоял, глушил свои печали алкоголем, иду по берегу не помню уж о нём, иду по жизни дну, вонючим грязным полем»

Очередная найденная бутылка в куче зелёных водорослей оказалась нестандартом. Платон рассеяно повертел её в руке

и отбросил, погружённый в свои странные мысли. Из головы почему-то не шла та бутылка, которую он оставил на пирсе под фонарём. Вставала картина как она там стоит, одна в темноте, отслужив свою функцию вместилища сорокоградусной влаги, что приносит временное забытие, и спасение заблудшей души бомжа. Стоит, покрываясь влагой от тумана. Исчерпавший себя ресурс.

Неожиданный вой собаки совсем рядом испугал Платона.

2

Сначала он подумал, что видит кучу мусора, который сбился в небольшой ком на порогах реки и теперь медленно плывёт по течению вниз. Потом, присмотревшись, мужчина перепугался. Сомнений не было. В воде, раскинув в стороны руки и ноги, на спине, плыл труп женщины. Белое, неподвижное лицо явно выделялось на фоне тёмных вод реки Ес-ле. Груды, обтянутые тонкой материей платья, колыхались, словно два уродливых поплавок. В волосах запутались водоросли, мелкие ветки и обычный речной мусор вроде пакетов и щепок.

– Эй! – крикнул мужчина, и сам испугался громкости своего голоса, в этой, казалось, мёртвой тишине набережной. – Я сейчас...

Скинув на песок обувь и плащ, Платон вошёл в холодную воду по пояс, рассекая бёдрами бумажный мусор, и стал ждать приближения тела. Мертвец спокойно подплыл к нему и ткнулся головою в бок.

– Что же это... – дрожащим голосом пробормотал мужчина, не решаясь взять женщину за руку. – Кто ж тебя так...

Глубоко вздохнув, он обхватил мертвеца за запястья и задом начал выходить на берег. При жизни женщина была довольно крупной, поэтому ему пришлось попотеть, вытаскивая её на песок. Наконец тело было извлечено из воды, лишь ноги в плетёных сандалиях омывали маленькие волны.

Тяжело дыша, Платон сел рядом и с минуту сидел, восстанавливая дыхание. Потом закурил, стараясь не смотреть на восковое лицо мертвячки, глаза которой невидяще смотрели в чёрное небо. В них отражалась луна и огни города на той стороне реки.

Набережная в этом месте никогда не была людным местом отчасти из-за моста, что нависал над головой как дамклов меч и создавал дискомфорт, отчасти из-за невообразимой грязи и мусора, который прибивался к берегу и дальше плыть не хотел.

Вой собаки послышался снова, и мужчина вздрогнул, всматриваясь в сгущающийся туман. Бродячих собак он не любил, боялся с детства. А с домашними ему ни разу в жизни встречаться не приходилось. Посидев ещё с минуту, он вдохнул полной грудью, набираясь храбрости, и повернулся к мертвецу. Женщина. Лет тридцати сорока на вид. Одетая в пёстрое платье, которое местами порвалось, видимо о коряги и камни пока плыла. Длинные чёрные волосы, все в водорослях и щепках. Лицо раздулось, но не сильно. Можно

угадать по чертам, что дама при жизни была не дурна.

– Я это... – сипло промолвил мужчина, нерешительно протягивая руку к телу. – Не обижайся уж подруга, только после смерти оно тебе ни к чему, а я может, горячего покушаю...

Собака завыла в тумане уже ближе, и мужчина аж подскокил на месте.

– Тьфу ты, зараза! – сплюнул он и, встав на колени, принялся обследовать тело женщины.

Колец на пальцах не было, что немало огорчило бродягу. В правой мочке уха обнаружился маленький гвоздик, по виду стоящий рублей десять от силы. Простенький, оловянный крестик на обычном шнурке мужчина тоже не тронул. Было похоже что утопленница не обладала какими либо вещами, имеющие хоть маломальскую ценность.

Мужчина шумно выдохнул и сел на песок, вытирая пот со лба.

– Меня Платон зовут, – непонятно зачем представился он. – А тебя?

Он бросил взгляд на спокойное и умиротворённое лицо покойницы.

– Катя? Наташа? Лена? Да неважно уже. Жалко что утонула ты без драгоценностей каких. Вы ж женщины любите цацки всякие. Колечки, браслетики. Я б сдал торгашу, купил бы супа горячего и выпить чего. Не везёт...

Мужчина потёр глаз грязным кулаком и печально посмот-

рел на показавшуюся между туч луну. Из тумана вышел старый, облезлый пёс, помахивая обрубок хвоста. Видимо он и выл. Внимательно посмотрев на странный дуэт на берегу: мёртвую женщину и оборванного мужчину, он тявкнул, развернулся и скрылся в тумане.

– Заявлять я не буду о тебе, уж извини, – пробормотал Платон несколько смущённый. – Менты меня и обвинят что утопил, я их знаю. Посадят за решётку лет на десять, а свобода, милая, это всё что у меня осталось. Ты лежи пока здесь, я думаю, найдут тебя к утру. Тут мальчишки часто бегают, смотрят, не прибило ли чего к берегу. Они и сообщат куда надо. А я... – Мужчина с кряхтением поднялся и стал одевать плащ – пойду пожалуй от сюда.

Надев обувь, он бросил прощальный взгляд на утопленную и...

– Что это? – пробормотал он, внимательно смотря женщине в область живота. – Что за...?

Он медленно опустился на колени, протянул руку и откинул подол платья. Когда-то красные, а теперь грязно-бардовые кружевные трусики странно топорщились. Кровь ударила Платону в голову, стало жарко.

– Прости милая, я только посмотрю. – Извиняюще пролепетал мужчина, покраснев как помидор.

Быстро оглядевшись, не видит ли кто, чем он тут занимается, Платон запустил руку в трусики мертвецу. Пальцы сразу нащупали плотный, небольшой конверт. Осторожно вы-

таскивая руку, Платон случайно коснулся влагалища, которое на ощупь было похоже на ледяную медузу, и поморщился. Через пару секунд он уже сидел на песке и изучал извлечённое из трусиков. Это оказался прямоугольный конверт, плотно запаянный в целлофан.

– Предсмертная записка что ли? – задумчиво пожевал губами мужчина. – И зачем было её туда... засовывать?

Недолго думая он зубами сорвал целлофан, тут же сплюнул от омерзения, вспомнив откуда он его достал и вскрыл конверт. Внутри оказалось довольно короткое, но содержательное письмо. Шевеля губами и щурясь в темноте, Платон принялся за чтение.

3

Сократ Сергеевич держал ломбард в Несских трущобах шестнадцать лет. До момента передачи ему всех дел, его отец владел лавочкой двенадцать лет, а до этого лет двадцать принадлежал деду. Семейный бизнес можно сказать, хотя Сократ всегда морщился, словно лимон съел, когда при нём упоминали это определение. Дела шли плохо. Контингент посещающих не отличался разнообразием и финансовым достатком. Воры, шлюхи, бродяги. Кто что выловит из реки ценное, отберёт, украдёт, всё несли ему. В основной массе бижутерию, хотя изредка попадались действительно ценные экземпляры об истинной цене которой клиенты и не подозревали. Такие вещи помогали Сократу сводить концы с кон-

цами, перепродавая их в Верхних районах города. Были и любимые клиенты, которые чаще других преподносили сюрпризы в виде драгоценностей, снятых с трупов. В последний раз мелкий вор и по слухам сексуальный извращенец Таир принёс серьги с зелёными камнями, которые на поверку оказались изумрудами. Серьги были в запёкшейся крови, и парень хотел как можно быстрее от них избавиться, поэтому сразу принял предложение Сократа о цене. Украшение Сократ продал неделю спустя за сумму в сорок раз превышающую ту, которую он заплатил Таиру.

– Зачем ты якшаешься с этим уродцем? – спросил зашедший на стакан вина дядя Сократа, Наиль. – Ты в курсе, что он делает с найденными мертвячками, если никто не видит?

– Мне всё равно, – отмахнулся Сократ, подливая дядепряного вина. – Благодаря ему, мне не приходится ложиться спать голодным, а это самое главное в нашей жизни.

– Жратва для тебя главное?! – возмутился восьмидесятилетний старик и сердито потряс жидкой бородой. – Главное – это дело всей жизни, запомни пацан! Твой дед и отец положили всё на алтарь процветания этого ломбарда, а ты только о еде и думаешь!

– Смотрю бизнес прям цветёт и пахнет, – пробормотал Сократ с неприкрытым сарказмом. Наиль обиделся, в сердитом молчании допил вино и ушёл, оставив племянника с чувством гадливости на душе.

Ломбард располагался в старой двухэтажке из красного

кирпича на Первой улице и был втиснут между салоном гадалки цыганского происхождения Сфеи и бакалейной лавки Круциуса, в которой также можно было пропустить пару стаканчиков пива и съесть комплексный обед. Через дорогу стояли жилые хибары сезонных рабочих по реконструкции северной части Несских трущоб. Работа текла медленно из-за постоянных смен подрядчиков, поэтому рабочих часто можно было заметить шатающихся по улицам, пьяных и предлагающих свои услуги по ремонту и не только. Первая улица начиналась на площади Дождя, почти с середины Несска и заканчивалась выходом на заброшенный пирс. Вымощена она была по прихоти неизвестного строителя каменным булыжником и напоминала английские мостовый. Ломбард располагался почти в самом её конце, около набережной.

В полвосьмого вечера Сократ вышел на улицу, чтоб опустить жалюзи над стеклянной витриной и покурить. По сути, ломбард работал круглосуточно, большинство из клиентов предпочитали приносить товар под покровом ночи, но на ночь Сократ закрывал основной зал, оставляя для торговли только небольшое окно во второй двери в коридорчике. Безопасность была в Несске никогда не лишней, не смотря на то, сколько ты здесь ведёшь дела и сколько знакомых у тебя. Оглядев пустую улицу, которую уже заполнил туман с реки, Сократ достал ручку с крестообразным расщеплением на конце и принялся опускать занавес. Тот приводился в движение опускающимся механизмом. Сумерки рассеивали

только три фонаря, тускло отсвечивая жёлтым светом. Жалюзи со скрежетом опустилась и встала в паз. Повесив навесной замок, Сократ закурил, думая о своём. В дальнем конце улицы, на пирсе мелькнула чья-то тень, и послышалось бормотание.

«Плакальщик» подумал мужчина, прищуриваясь, слясь рассмотреть в темноте знакомый сутулый силуэт. И не ошибся. Платона знали почти все. Его называли Плакальщик, Бормотун, Колдун или просто Хромой. Полоумный мужчина лет сорока появился здесь лет десять назад. Никто не знал, откуда он, кем был до поселения здесь и как его фамилия. Круциус утверждал, что даже имя Платон не настоящее. Сутулую фигуру, подволакивающую левую ногу часто можно было видеть на берегу реки. Там Платон собирал бутылки и выискивал ценные вещи. Дома у него не было, а ночевал он чаще всего на заброшенной ткацкой фабрике ниже по течению. Сократа удивлял этот странный нелюдимый бродяга. Бомжи, как правило, собирались в небольшие стайки по три четыре человека. Выходили на промысел, вечером собирались, пили ели, что собрали вместе. Платон же всегда ходил один. Из-за странной привычки разговаривать сам с собой, его обходили стороной, а за необычный цвет глаз прозвали Колдуном. Сократ сам поражался большими, выразительными глазами глубокого фиалкового цвета. Редкость. И ещё то ли от некой аллергии, или болезни, они всегда слезились и было похоже что Платон всё время плачет. Отсюда и пошло

прозвище Плакальщик.

Фигура стояла неподвижно какое-то время, потом рука вскинулась ко рту, и Сократ понял, что Платон пьёт. Однозначно водку «ПГ», самую дешёвую и мерзкую разливуху, которую можно было купить у Круциуса. Потом он постоял ещё немного и скрылся в тумане.

Спустя час, когда Сократ собрался выпить чай и часок подремать, потому что вечер обещал быть безлюдным, в дверь трижды постучали.

– Кто там? – спросил он, подойдя к внешней двери. Глухой голос принадлежал Платону, и Сократу показалось, что тот сильно возбуждён, что никак не вязалось с образом угрюмого, нелюдимого бродяги.

– Это Платон. Хромой. Мне есть что вам предложить господин Сократ.

Из всех клиентов только Плакальщик называл Сократа господином. В его устах это обращение звучало как-то по-раблепски, вероятно из-за того, что ломбард был единственным источником дохода бродяги. Не опасаясь, Сократ открыл дверь, хотя в другом бы случае, имей он дело с иным клиентом, сначала следовало запереться за второй дверью, оставив лишь окошко открытым, а уж потом открыть наружную посредством удалённого механизма, сконструированным его отцом. Он не ошибся. Платон, стоя на пороге, выглядел необычно в своём плохо скрываемом волнении.

– Проходи, – буркнул Сократ и, не оглядываясь, прошёл в

полутёмный основной зал, источником освящения, где служила только настольная лампа. Пройдя за стойку, он достал толстую и потрёпанную тетрадь, где вёл бухгалтерию, приход и расход товара. Свериться, не задолжал ли ему что Платон, хотя помнил, что долгов за ним не числится. Просто сама картина хозяина, сверяющегося со своими данными, выглядела, по мнению Сократа, внушительно. Плакальщик запер за собой дверь на засов и два раза дёрнул за ручку, удостоверившись, что заперто надёжно. Он всегда так делал. Потом прошёл в зал.

– Показывай что у тебя, – стараясь показать, что ему всё равно произнёс Сократ. Клиентам всегда надо показывать безразличие, иначе они завышали цену приносимому бараклу. Платон достал грязную тряпицу и промокнул слезящиеся глаза, в который раз поразив Сократа своим необычным цветом радужной оболочки. Ещё он заметил, что бродяга по пояс мокрый и оставляет грязные следы на полу. «Не иначе как в реке что-то выловил»

– Это... это вещь, письмо. Я подумал что вам, возможно, будет интересно. – Пробормотал он, смотря на свои руки. – Я нашёл его... я снял его с мёртвой женщины, которую нашёл в реке.

Сократ привык, что почти все его клиенты старались умолчать, откуда они брали драгоценности или бижутерию и это его вполне устраивало. Само собой понятно, что не клад отрыл, но Платон, насколько он помнил, всегда расска-

зывал, где находил более менее ценные вещи. «Эта куртка была на мальчике, который умирал от лихорадки. Он пришёл на фабрику, где я ночую и попросил быть с ним, пока он не умрёт. Он сам отдал мне куртку и попросил на вырученные деньги купить поесть» сделал признание Платон в один из своих первых визитов в ломбард. Сократ не скрывал подозрений, но куртку принял. Хорошая кожа, вещь почти новая. Впоследствии он привык, что если вещь не просто подобранная или найденная на отмели реки, то Плакальщик сразу заявлял, откуда она. «Кольцо было в желудке бродячей собаки, которую я нашёл под причалом. Она уже умирала от разрыва внутренностей, кольцо повредило желудок. Собаку я убил и съел, а кольцо принёс вам», «Эти часы вынесло на берег сегодня ночью. Они ходят. Правда с часами вынесло и отрубленную кисть хозяина. Я её похоронил» Примерно такие пояснения сопровождали большинство вещей, которые Платон приносил в ломбард.

– Она упаковала письмо в целлофан, чтоб оно не промокло, – продолжал Плакальщик, вытирая подступающие слёзы. – И спрятала у себя в трусиках. Я достал его и прочитал.

Сократ брезгливо посмотрел на маленький конверт, который Платон достал с кармана и протягивал ему.

– И что мне может показаться в нём интересным? – сварливо спросил он, немного разочаровываясь. Судя по волнению в глазах Платона, он подумал, что бродяге сегодня повезло выловить из реки нечто более ценное.

– Прочтите, – тихо сказал Платон и положил конверт на прилавок.

Вздыхнув, Сократ как можно осторожней открыл конверт двумя пальцами, достал письмо, расправил и пробежал глазами по первым строчкам. Дальше он уже читал с большим интересом.

– Так, так, так, – протянул он после пяти минут, которые у него ушли на прочтение, раздумья и повторного ознакомления. Платон тихо стоял за прилавком, комкая грязную тряпицу и вытирая ею слёзы со щёк. – Сам что думаешь? – хрипло спросил он бродягу, не надеясь на вразумительный ответ. Платон редко когда снисходил до нормального диалога. В большинстве своём разговор с ним заключался в малопонятных фразах, ответах ни впопад или что чаще уход от общения. Тот поднял большие влажные глаза на Сократа.

– Я думаю надо спасти детей, – ответил он чётко. – Если вы согласитесь мне помочь, то готов разделить всё добытое напополам.

– Почему я? – спросил Сократ, теряясь. Он никогда ещё не видел Платона настолько в здравом уме, насколько он выглядел сейчас. – Ты мог бы попросить одного из строителей. Они физически сильнее, моложе. А я всего лишь пятидесятилетний владелец ломбарда.

– Я им не доверяю, – сухо пробормотал Платон, отводя взгляд в сторону. – А вы кажетесь человеком честным.

Сократ задумался, вертя письмо в руке, взял сигарету в

рот, помусолил, выплюнул.

– Вторая часть письма с координатами у тебя? – риторически спросил он и Платон кивнул. – Мне надо подумать. – Изрёк он, наконец, и протянул письмо обратно Плакальщику. – Судя по информации, указанной этой женщиной, дети протянуть ещё... три дня. Приходи завтра к вечеру. Я дам окончательный ответ.

Платон пожевал губами, быстро кивнул и, не смотря на Сократа, быстро вышел. Закрыв за ним дверь, хозяин сел в продавленное кресло и погрузился в глубокую задумчивость.

4

Мальчик и девочка, сидели прижавшись друг к другу в углу небольшой, тёмной комнаты. Было холодно, а из одежды на них было только тонкое покрывало, которое они накинули как могли на плечи. Мальчик выглядел взрослей, лет двенадцати, девчужке на вид было лет десять от силы. Помимо них в комнате стоял большой, деревянный ящик, доверху набитый банками с консервами, пакетами с хлебцами и бутылками питьевой воды. Дети тихо хныкали, сотрясаясь всем телом от пронизывающего холода. В небольшое круглое отверстие в потолке в комнату поступал холодный воздух. Не было бы вентиляции, то кислорода в этом подвальном помещении хватило бы максимум на неделю. Дети находились здесь уже месяц. От ведра с нечистотами в противоположном от детей углу невыносимо смердело и, хотя мальчик пытался закрыть

его сверху пакетами от хлебцев, помогало это плохо. Тьму еле еле разгоняла горящая свеча, стоящая на полу перед съевшимися детьми. Ещё штук двадцать горкой были сложены рядом. «Мне холодно...» прошептала девочка посиневшими губами. Мальчик как мог, обнял её худенькое тело, и они погрузились в тревожную дрему.

5

Вечером около восьми часов, по наступлению сумерек Платон стучал в дверь Сократа. Тот ждал его и открыл сразу.

– Проходи и закрой за собой, – велел он, хотя тот делал это и без указаний. В зале было, как и прежде темно и пусто. В тусклом свете настольной лампы на стойке виднелась пепельница, полная окурков и почти пустая бутылка вина. – Я согласен. – Объявил хмуро Сократ, когда Платон зашёл в зал. – Мы сделаем это вместе и если то, что там написано правда, денег нам хватит до конца жизни.

Он закурил, смотря на Плакальщика сквозь клубы дыма.

– Я рад, господин Сократ. – Кивнул Платон и достал свою тряпицу для слёз из кармана плаща. – Нам наверно лучше идти прямо сейчас... туман напоздаёт, следы могут смыться приливом Есле... до утра, если кто будет или попытается.

Старик как мог попытался скрыть вздох раздражения. Похоже, Плакальщик вошёл в своё обычное состояние безумия и начал бормотать малопонятный бред. Это могло помешать, но обсосав в голове самые различные сценарии вероятных неприятностей, Сократ решил, что дело пустяковое, хотя и

странное. Он не спал всю ночь, прикидывая, чем грозит ему необычный рейд в район завода. По всему выходило что ничем, хотя на задворках сознания мелькал страх.

– Выходим через час, – сказал Сократ, раздавливая окурок в переполненной пепельнице. – Туман сгустится. Пойдём берегом до Вересковой пустоши, там спустимся на отмель и ниже по течению выйдем к заводу. Дальше поведёшь ты, координаты с собой?

Платон быстро кивнул, вытер глаза и достал оторванный от письма нижний кусок, где были указаны точные данные, где искать детей. Сократ не сделал попытки взять их, а лишь скользнул по нему любопытным взглядом. Платон спрятал бумажку обратно в карман.

– Хочешь чего-нибудь? – спросил хозяин, заходя за прилавок. – Чай? Вина? – он знал, что Хромой не откажется от алкоголя, но надеялся, что обойдётся стаканчиком или двумя. Жадность была одним из пороков Сократа, и он редко когда угощал кого-либо чем-нибудь.

– Право неловко... – забормотал Плакальщик, уставившись себе на носки ботинок, и Сократ только обнаружил, что носит бродяга не туфли, а резиновые сапоги, обрезанные по щиколотку. Калоши, которые к тому же были местами дырявыми. – Я со вчерашнего утра ничего не кушал, – продолжил Платон, пунцовея. – И очень неважно себя чувствую. Боюсь предположить, что могу упасть в голодный обморок, если... не покушаю.

Сократ чуть ли не вслух выругался. Кормить этого бродягу у него в планах не было, но тут без вариантов. У них общее дело, которое могло принести хороший доход и придётся потерпеть. Он проворчал что-то типа «Садись пока, сейчас придумаем что-нибудь» и удалился в заднюю комнату, где хранились вещи, не уместившиеся на витрине. Также здесь стояла электрическая плита на одну конфорку, где он иногда готовил себе обед. Сейчас на ней стояла грязная алюминиевая кастрюлька, где сиротливо лежали две варёные в мундире картофелины. Вывалив их на тарелку, Сократ отломил кусок чёрного хлеба и выудил из литровой банки солёный огурец. Всё это он поставил на стойку перед Платоном и налил ему пол стакана вина.

– Ешь, пей, а я пойду табличку на дверь повешу. – Сказал Сократ. – А то будут ночью долбиться в дверь, а меня нет. Перебудят ещё всех соседей. Не нужно им знать, что я по ночам где-то шастаю.

Платон мелко закивал, уплетая холодную картошку и хрустя огурцом. Сок стекал у него по подбородку. Написав от руки на картонке, что ломбард закрыт до утра, Сократ вернулся в зал. Плакальщик уже всё съел и теперь с видимым удовольствием потягивал вино.

– Я переоденусь, пойду, – пробормотал старик и посмотрел в большие глаза Платона, выискивая там волнение или страх от предстоящего дела. Не нашел, махнул рукой и начал подниматься на второй этаж, где располагалась его спальня.

Девочка вздрогнула во сне, проснулась и снова заплакала. Мальчик попытался её утешить.

– Не плачь Лиз, мама скоро придёт и выпустит нас. Она обещала. – Он гладил её по спине, покачивал и вскоре девочка затихла.

– Мамы долго нет уже... – хрипло пробормотала Лиза всхлипывая. – Очень долго. А что если плохие люди с ней что-то сделали? И она никогда не придёт? А? Денис?

Мальчик, пряча глаза, неопределённо махнул рукой.

– Тогда мама пришлёт кого-нибудь нас спасти. – Уверенно сказал он. Помолчал и чтоб отвлечь сестру от тяжёлых мыслей, кивнул на деревянный ящик с припасами. – Нам надо поесть Лиз. Чтоб продержаться до её прихода.

Девочка сморщилась и закрыла глаза.

– Я не могу...

– Надо, – твёрдо произнёс Денис и встал, трясаясь от холода. Ножом он открыл банку с говяжьей тушёнкой, достал хлеб и бутылку воды. Лиза смотрела на него умоляюще. Протянув еду сестре, мальчик кивнул. – Надо, Лиз. Поверь. Иначе холод убьёт нас.

– Я в туалет хочу, – прошептала девочка и закрыла лицо руками. Для неё было невыносимо мучительно делать это в присутствии постороннего. Хоть и родного брата. Стыд сжигал её изнутри, когда приходилось скрепя сердце садиться на ведро. Денис старался, как мог облегчить душевные стра-

дания сестры. Он отворачивался лицом в дальний угол, садился и затыкал уши, чтоб не видеть и не слышать её. Сам он уже привык за месяц к наготe и не обращал на это внимание в отличие от Лизы. Когда с туалетом было покончено, они немного поели, завернулись в маленький плед и снова забились в угол, ожидая. Ожидая маму, которая закрыла их здесь, чтоб спасти от плохих людей. Или, если мама не сможет прийти, кого-нибудь. Кто спасёт их от этого кошмара.

7

Двое мужчин брели вдоль берега в полном молчании. Изредка, правда, Платон принимался бубнить под нос одному ему понятное, потом замолкал. Туман сгустился настолько, что разглядеть дальше, чем на пять метров, не представлялось возможным. Река оставалась справа, всплёскивая редкой рыбой, которую уже никто бы не осмелился употребить в пищу. Через два с половиной часа мужчины прошли пустошь, и вышли на отмель. Ухнул филин в ночи, вдалеке слышался концерт болотных лягушек. Они почти добрались до места, и теперь Сократ заметно нервничал.

– Дальше идём тише воды, – тихо сказал он. – Постарайся не бубнить и не шмыгать носом.

Платон непонимающе смотрел на него. Похоже, он не понял про бубнёж.

– Дойдём до завода, там со стороны реки есть лазейка в заборе. Помню, один клиент рассказывал. Они оттуда на цвет-

мет железяки таскали. Дальше поведёшь ты.

Плакальщик кивнул и достал бумажку с кармана.

– Здесь написано, что дети спрятаны под вторым большим залом. – Пробормотал он, близоруко щурясь, читая часть письма. – Там слева есть лестница, уходящая вниз и ведущая в малую котельную. По коридору идти прямо, мимо складов угля, мимо сломанного крана. Дальше идут двери по обеим сторонам и коридор сильно сужается. Пятая дверь справа и ведёт в укрытие её детей. Ручка засова сломана, поэтому нужен рычаг или что-то вроде этого.

– Рычаг? – повернулся к нему Сократ. – А раньше ты не мог сказать? Я мог бы захватить лом или монтировку.

– Я взял, – смущённо пропыхтел Платон и неожиданно достал с рукава плаща небольшую монтировку. – Нашёл на свалке возле эстакады. – Пояснил он по своему обыкновению. Сократ удовлетворённо кивнул, подумав, что этот парень ещё не совсем лишился разума. Задатки ума всё же имели место быть в его голове.

– Пошли, – махнул он и первым начал подниматься по крутому откосу в сторону висевшей над ними громадой заброшенного завода. Вскоре из тумана показался высокий забор, обнесённый по верху колючей проволокой. Они пошли вдоль него, забирая вправо, и вскоре вышли к лазу. Арматуру в этом месте просто перепилили, оставляя место для манёвра с довольно большими кусками металла. Мужчины без особых проблем проникли на территорию завода.

– Я тебе клянусь, я что-то слышал! – воскликнул Варяг и испуганно уставился в темноту длинного помещения, которое во времена функционирования завода служило цехом прокатки металла. Теперь же даже от станков остались только отверстия в полу. – Там! – он указал вперёд.

– Не бзди, Капустин, – вяло отмахнулся от него старший в их группе Дима по прозвищу Отстрел. – Сюда максимум кого может занести это бомжей. Пусть бродят, сколько хотят, они нам не помеха.

– А если их больше? – не унимался пятнадцатилетний парень. Он сбегал из детского дома впервые, в отличие от Димы, Максима и Сергея и немного трусил вне стен детдома. – Нападут, избыют или насильничают ещё!

Сергей и Максим загоготали.

– Да кому твоя сладкая жопа нужна? – сплюнул Максим. Его маленькие свиные глазки были налиты кровью от таблеток астротисина, слабого наркотика, которым он уже накачался под завязку. – Бомжи сюда приходят поспать и выпить. Им лишний шум тоже ни к чему.

– Да в открытой драке не так и сложно запинать полудохлого, пропитого старика, – поддержал его Сергей Басмач. – Заодно можно разжиться дешёвым пойлом, а если повезёт то и пожрать что-нибудь.

Четверо парней возрастом от четырнадцати до шестнадцати расположились на верхнем ярусе ремонтной эстакады

перед слабо тлеющими углями. Дрова закончились, а идти никто не хотел.

– А ещё, – продолжил Макс мечтательно. – В компашке с бомжами часто тусуются бабы. Одна две на всех. Я б их...

– Они грязные и заразные, – скривился Басмач. – Писюн опухнет потом или нос отвалится.

– Я в рот бы дал. – Пояснил Макс. Его глаза периодически закатывались под верхние веки от подступающего «прихода». Дима Отстрел сидел молча, прислонившись к стене, и внимательно высматривал что-то в темноте. В разговоре подобного рода, про девушек и разновидности секса с ними он никогда не почувствовал по причине отсутствия интереса. Ещё в детдоме он совратил сидящего сейчас рядом с ними Варяга и, убедившись в своей голубой ориентации, при следующем побеге взял любовника с собой. Тому, судя по всему, не очень нравилась роль пассивного педераста, но альтернатива вернуться обратно в детский дом была ещё хуже.

– А там ещё осталось горючее? – спросил Сергей и ткнул задремавшего Максима в бок. Тот промычал что-то, но глаза не открыл. Отстрел пошарил рукой в потёртом рюкзаке и вытащил бутылку с жёлтой жидкостью.

– Самогон остался, только его бы разбавить, а то глотку сжигает на раз. Крепкая сука. Варяг, сбегай за водичкой к ручью.

Тот обиженно засопел.

– А почему я сразу? Сам иди.

– Ну, хочешь я с тобой схожу, – миролюбиво предложил Дима и Варяг, увидев маслянистый блеск в глазах Отстрела, сразу засобирался. Он уже знал, чем заканчиваются такие походы вдвоём в уединённое место. После минета Диме его долго и мучительно рвало от отвращения, хотя при любовнике он этого старался не показывать.

– Я сам по быстрому сбегаю, – наигранно беззаботно махнул он рукой и прыгнул с эстакады, не забыв прихватить с собой пустую пластиковую бутылку. Дима проводил его взглядом и мечтательно улыбнулся. На эту ночь у него были явные намерения по поводу Варяга. И никуда тот не денется.

9

Платон и Сократ вот уже минут пятнадцать крались почти в полной темноте по огромному помещению главной кузни завода. Эхом отдавался каждый шорох, и они часто замирали, прислушиваясь и выжидая, не появится ли кто. Откуда-то из глубин помещений еле слышно доносились голоса. Молодые, трое или четверо человек определил Сократ и сразу понял, что там беглые беспризорники из ближайшего детского дома. Завод был их излюбленным местом отчасти из-за того, что в нём было легко затеряться от преследования полиции. А ещё здесь часто находили схроны воров, еду, одежду, реже деньги. Завод служил почти идеальной перевалочной базой, где беглец от правосудия мог затаиться на время, а потом пересечь границу города и затеряться в Ленском лесу. Завод стоял почти на самой границе с опушкой.

– Это детдомовцы, – шёпотом пояснил он Платону, который испуганно начал пятиться к выходу, как только услышал голоса в темноте. – Пацаны лет по пятнадцать. Опасности не представляют, хотя если накурились или обнюхались какой-нибудь дрянью могут, как стая шакалов, загонять ради забавы. Обойдём их по восточному проходу.

Они благополучно обошли зал с эстакадой и углубились в подсобную часть завода, где в основном располагались небольшие комнатки, запутанные сложной системой коридоров.

– Нам надо в малую котельную под залом, – сказал Платон, когда они упёрлись в закрытые ворота и остановились подумать, куда двигаться дальше.

– И где второй зал? Ты знаешь? – раздражённо буркнул Сократ. – Мы, похоже, не туда свернули около лифта. Надо было вниз спускаться по той лестнице.

Из темноты послышались шаги и на бледный свет луны, проникающий в помещение через разбитое окно, вышел молодой парнишка, лет пятнадцати, помахивая пустой бутылкой в руке. Бритая голова была вся в струпьях, одежда состояла из рваных брюк и китайского пуховика на голое тело, а на лице пестрела грязь. Мужчины замерли, испугавшись неожиданного появления, а мальчик, даже не успев сообразить кто перед ним, начал кричать. Его безумно ужаснул вид одного из мужчин. Глаза, огромные, страшные, неестественного цвета привели парня в шок. Варяг решил, что сам дья-

вол пришёл за ним в обличье бомжа. Припустив со всех ног обратно, мальчик во всё горло звал на помощь, а Платон и Сократ стояли, растерявшись, и не зная, что делать. Казалось, прошло всего пара минут, а по коридору уже грохотали ботинки троих парней, бегущих на помощь Варягу. Платон очнулся первым и, развернувшись, побежал к подсобным помещениям, в надежде затеряться в лабиринте коридоров. Сократ успел лишь выставить руку вперёд в жесте мира, как тяжёлый удар кулаком в лицо свалил его на пол. Пухлый Максим навалился на него сверху и со всей силы приложил доской по голове. Потом ещё раз и ещё. Когда Отстрел оттащил парня от старика, тот уже не шевелился. Тяжело дыша, мальчики обступили Сократа.

– Этот? – спросил Дима Варяга. – Этого ты видел?

Тот испуганно огляделся по сторонам. Лицо его было бледнее мела.

– Их двое было, – сказал он. – У второго глаза как у дьявола! Большие такие, фиолетовые и светятся!

– Может тебе показалось? – усмехнулся Басмач. – В любом случае второй бомж убежал. Не думаю, что его искать надо.

– А с этим что? – спросил Максим и потрогал Сократа носком ботинка. Тот застонал, заставив парня отпрыгнуть в сторону. – Живой блядь! Надо добить! Диман!

Лидер группы Отстрел не ответил. Он стоял и странно смотрел на лежащего старика.

– Странно да? – спросил он и указал на Сократа.

– Что странно? – Сергей, Максим и Варяг внимательно осмотрели старика, но ничего удивительного не нашли.

– Он не бомж, – указал Дима на одежду Сократа. – Он и его сбежавший друг пришли сюда явно не переночевать или бухнуть.

– Откуда знаешь? – Макс уже с любопытством смотрел на распостёртое тело на полу.

– Я его знаю. – Дима отошёл от Сократа и всмотрелся в темноту. – Этот старик хозяин ломбарда на старом пирсе. Его каждая собака знает. Жадный, вредный, но полезный тип, если хочешь по быстрому слить награбленные цацки. Берёт всё без разбора. Теперь вопрос – что он делает здесь в компании Хромого Плакальщика?

– Кого? – не понял Варяг. – Плакальщика?

– Да. Это псих, который обитает выше по течению на заброшенной ткацкой фабрике. Тоже местная знаменитость. Когда ты Варяг про глаза упомянул, я сразу понял. Большие, вечно влажные зенки необычного фиолетового цвета. Это Хромой с пирса. Его ещё Колдуном кличут за странность и привычку бормотать себе под нос какие-то заклинания. Отсюда вывод, эти двое пришли сюда не просто так. Выпить или там потрахаться они могли и дома у ломбардщика. Значит...?

– У них тут схрон скорей всего, – догадался Сергей и улыбнулся. – Можно сказать нам повезло парни.

Платон затаился в одном из подсобных помещений между громоздким аппаратом непонятного ему назначения и горой разбухших картонных коробок с макулатурой. Он слышал шум упавшего тела, звуки ударов, возбуждённые голоса парней. Несколько минут они переговаривались, а потом один из них громко позвал.

– Ээй! Хромой! Выходи, мы тебя не тронем! – последовавшая за этим тишина напугала Платона больше всего. Мальчики прислушивались.

– Выходи Плакальщик! – позвали его снова. – Если поделишься добром, уйдёшь отсюда живой, да и друга твоего отдадим. Если нет, всё равно найдём, и тогда придётся плохо.

Платона охватил такой животный ужас, что он готов был завывать. Парни наверняка лучше его знают план здания, тогда как он здесь впервые и вряд ли самостоятельно найдёт выход из этого лабиринта. Рано или поздно его найдут, а исходя из того, что они хладнокровно забили Сократа, ему тоже несдобровать.

– Выходи Колдун! – донёсся издевательский фальцет самого молодого из компании. Платон решил, что именно его они с Сократом неожиданно встретили в коридоре. – Выходи подлый трус!

Плакальщика трясло от ужаса происходящего и неосознанно он начал бормотать вслух, споря сам с собой. Одна его часть говорила, что этим парням ничего не стоит убить

его, как только он расскажет о запертых детях и покажет письмо, другая твердила, что другого выхода нет. Они найдут его, а когда найдут, замучают до смерти и найдут письмо. Проще выйти и предложить поделить спрятанные в помещении вместе с детьми деньги. Или на крайний случай отдать им письмо, а самому ретироваться. Купить себе свободу. Тыльной стороной ладони Платон вытер стекающие по щекам слёзы, всхлипнул и поднялся из своего укрытия.

11

– Давайте поделимся по двое, – предложил Отстрел. – Он по виду дохлый, этот Плакальщик, да к тому же хромой. Вдвоём его можно свалить и запинать. Мы с Варягом пойдём по подсобкам с коробками, которые с правой стороны, вы идите по левым помещениям, где мы тогда гнездо крыс видели. Далеко он уйти не мог, заблудился бы. Кто первый увидит, сразу кри...

Хромой Плакальщик стоял перед четверыми парнями, бледный, испуганный и что-то пытался выдавить из сведённого спазмой горла. Вырывалось лишь сипение.

– Чего? – спросил ошарашенный Дима. Его испугало внезапное появления этого странного бомжа перед ними. Глаза в полутьме действительно смотрелись жутко, как и говорил Варяг. Большие, слезящиеся и ненормального, абсолютно чуждого цвета.

– Я... согласен на делёж. – Выдавил из себя Платон, дрожащими руками вытирая испарину со лба. Секунд десять все

четверо молчали, разглядывая сутулую фигуру в грязном, в некоторых местах протёртого до дыр плаще, вязаной шапочке из под которой выбивались чёрные кудряшки тронутые сединой, серых брюках довоенного покроя и калошах. В руках мужчина беспрерывно теребил невероятно засаленную тряпочку, которой вытирал бегущие слёзы.

Отстрел хмыкнул, повернулся к друзьям и неприятно улыбнувшись, спросил.

– Что парни? Берём в бригаду этого инвалида? Добро поделим поровну, всё по чесноку. – Те закивали, украдкой обмениваясь ухмылками и перемигиванием. Платон, похоже, не замечал чуть ли не издевательское отношение к нему. Всхлипывая, он стоял в стороне, переминаясь с ноги на ногу и ждал.

– Давай, – махнул рукой ему Дима. – Веди в свой схрон. Посмотрим что там.

Платон замаялся на секунду, потупил взгляд, а потом достал письмо из кармана и протянул Отстрелу.

– Что это? – удивился тот. Взял протянутую бумажку и по слогам вслух прочитал короткое письмо. Басмач призадумался, хитро посматривая на стоящего в стороне Платона, Максим нахмурившись, чесал затылок. Дима шевелил губами, про себя перечитывая послание.

– А где эта мамаша сейчас? – спросил он, швырнув бумажку на пол. – Убили что ли?

– Н-нет, – тихо пробормотал Плакальщик. – Я нашёл её

уже мёртвой, в реке, выше по течению. Письмо было у ней в трусиках.

Максим похабно оскалился при этих словах и высунул язык.

– Ах ты старый извращенец! – гоготнул он. – Лазаешь у мёртвых баб в промежности? Признайся, хотел её трахнуть!

На лице Платона отразился ужас.

– Н-нет! Н-нет! Я ведь никогда и тем более, как та собака что выла. Я понял просто, – от волнения он начал заикаться, но даже без оного, парни ничего из бессвязного бреда не смогли бы вычлениить. Максим хохотал, смотря на тщетные потуги бродяги оправдаться, наконец, Дима прервал веселье, толкну Платона в плечо.

– Заткнись придурок! – велел он. – Где конец письма с точным указанием комнаты, где она спрятала детей?

Платон, порывшись в карманах, извлёк потрёпанный клочок, который Отстрел сразу вырвал из его рук.

– Я знаю, где это! – с триумфом заявил он, дочитав письмо до конца. – Нижние котельные. Туда редко кто спускается, потому что вонь там такая, что нос сворачивается. Пошлите парни!

– А с этими что? – спросил Варяг, указывая на бездвижно лежащего Сократа на полу и замершего у стены Платона. Последний от ужаса вжался в стену.

– Да пусть себе идут, – махнул рукой Дима. – Слышь ты, придурок! Вали домой! Если пойдёшь за нами, обещаю, про-

ломлю череп как твоему другу! Радуйся, что живой остался.

Парни развернулись и быстрыми шагами двинулись по коридору в сторону большого зала, на ходу возбуждённо обсуждая, кто что сделает со своей долей денег. Судя по посланию мёртвой женщины, в комнате спасителей её детей ожидает немаленькая награда в денежном эквиваленте. Вскоре их голоса скрылись в глубине завода.

Платон некоторое время стоял неподвижно с мертвенно бледным лицом и трясущимися губами. Потом медленно подошёл к Сократу, присел рядом и потрогал артерию на шее. Пульс был, хотя судя по глубокой ране на голове старика, если его в ближайшее время не отвезти в больницу, есть реальный шанс истечь кровью. Плакальщик утёр слёзы, достал из кармана блокнотик и написал три строчки. «Виновным себя в смерти этого человека я не считаю. Да и как человек он был редкой прижимистости и пакости. Надо спасти детей пока не поздно»

Закончив писать, положил блокнот обратно в карман и быстро обшарил Сократа. В карманах старика кроме початой пачки сигарет и ключей от ломбарда ничего не нашлось. Сигареты Платон забрал себе, ключи выкинул. Потом, углубившись в свои бессвязные мысли и забормотав под нос очередную ахиною, двинулся вперёд по тёмному коридору вслед ушедшим парням.

несколько минут осветили лучи восходящего солнца. Чёрные от бесчисленных пожаров стены, уродливо отсвечивали, тёмные провалы окон зловеще смотрели на пустошь перед зданием, грязную речку под ним и тихий, спящий город на другом берегу. Потом солнце закрыли грязные, рваные тучи.

13

Лиза проснулась от лязгающего звука отпираемого засова. Она вскочила на ноги, бледная, измученная, растрёпанная со сна и тут же принялась тормошить старшего брата.

– Денис! Денис, проснись! Мама пришла! Мама!

Парень рывком сел на полу и принялся протирать глаза. Сомнений не было. Кто-то с той стороны двери пытался открыть засов. Девочка радостно засмеялась и, кинувшись брату на шею, завопила.

– Мама! Мама пришла!

Ещё целую минуту об дверь колотили чем-то железным, чертыхались, лязгали, а потом она со скрежетом отворилась. В комнату неуверенно зашли четверо парней, морщась от нестерпимой вони экскрементов.

– Дерьмо, – пропыхтел Басмач, прикрывая рукавом рот и нос.

Дима осмотрел ящик с припасами, мельком бросил взгляд на голых детей, в нерешительности стоящих в углу и спросил непонятно у кого.

– А где деньги? Что там в письме говорилось о награде? Где они?

– Здесь их нет, – уверенно заявил Варяг, быстро осмотрев комнату. Ящик с консервами и водой, ведро в углу, горка свечек и маленький плед, комочком валявшийся на земле. Никаких сейфов, чемоданов или коробок не наблюдалось. Максим подвинув плечом Басмача, подошёл к ящику и перевернул его, высыпав содержимое на пол. Банки с лязгом раскатились в разные стороны.

– И тут нет, – выдохнул он, поворошив пакеты с хлебцами носком ботинка.

Отстрел повернулся к детям.

– Где деньги? – грубо спросил он. – Ваша мать написала, что тот, кто спасёт вас, найдёт в этой комнате награду. Деньги. Много денег.

Мальчик и девочка молчали, испуганно таращась на прибывших.

– Где. Деньги? – выходя из себя, переспросил Дима и, сделав шаг вперёд, неожиданно боднул головой Дениса в лицо. Тот пискнул и сполз по стене на пол, закрыв лицо руками. Между пальцев хлестала кровь.

– Может, ты знаешь? – повернулся Дима к девочке. Та, с выражением неопишуемого ужаса на лице отрицательно покачала головой. Потом вспомнив видимо, в каком она виде, ладошками прикрыла интимные части тела и расплакалась, опустив голову на грудь.

– Диман, – позвал Басмач лидера. – По ходу эта мёртвая бабёнка специально написала про награду, чтоб кто-нибудь

повёлся на это и спас её детей. А на самом деле всё развод. Нет никаких денег тут, ты посмотри на этих заморышей. При деньгах никто не станет запирать своих детей в подвале голыми с тушёнкой и водой. Согласен?

Дима скрипнул зубами от злости. Басмач говорил верно. Просто так вряд ли кто станет рисковать жизнью, пробираясь на заброшенный завод чтоб спасти двоих незнакомых тебе детей. Ещё неизвестно, правда это или чья то злая шутка. А вот на кучу денег клюнули бы многие. Как они, например.

– Ладно, – разочарованно протянул Отстрел, оглядывая ещё раз помещение. – Собираем жратву и уходим. Один чёрт больше проживится нечем.

Варяг и Басмач принялись собирать банки обратно в ящик. Девочка плакала, всё так же стоя у стены и прикрываясь ладошками. Мальчик на полу похоже лишился чувств.

– Пошли, – приказал Дима. – Вонища здесь... Есть идея вернуться к старикану из ломбарда. Если не убежал ещё.

– Я его хорошо огрел, – отозвался Максим. Он стоял напротив голой девочки и не сводил с неё глаз. Рот у него приоткрылся, губы стали влажными. – Если Хромой его не уволок, то дед всё ещё лежит в отключке. А зачем он тебе?

– Заберём его ключи от ломбарда. Адрес я знаю. Наверняка там есть чем поживиться.

Басмач с Варягом подхватили ящик, и вышли из комнаты вслед за Димой.

– Ты что там? – окликнул из коридора Максима Отстрел. –

Идёшь, нет? – Тот облизнул губы. Его немигающий взгляд не отрывался от угловатой, по юношески худенькой и не сформировавшейся фигуры Лизы.

– Идите, я вас позже догоню. – Хрипло сказал Максим. Дима заглянул обратно в комнату, перехватил вожаделенный взгляд Макса, усмехнулся и махнул ему.

– Давай не долго.

14

Платон не знал, который сейчас час, но чувствовал, что ближе к обеду. Он уже довольно долго сидел в укрытии из старых балок, сваленных под эстакадой, и наблюдал за тремя парнями, которые пили самогон, разбавив его водой из запасов детей, и ели тушёнку, разогрев ту на вновь разожжённом костре. Куда подевался четвёртый, самый толстый и некрасивый из всех, Плакальщик не знал, но догадывался, что тот остался в подвальном помещении с девочкой. Ясно, для какой цели.

Парни переругивались, споря, кому идти за стариком, чтоб поискать ключи от ломбарда. Вдруг он их с собой носит. Решив, что Сократ уже умер и ключи подождут, они принялись рассуждать, где взять денег на ближайшее будущее. Крепкий алкоголь быстро сморил тощего Басмача и молодого Варяга. Те, развалившись на расстеленных куртках, храпели во весь голос, один только Дима не спал. Он долго смотрел на огонь, подкидывая дров, мелкими глотками пил самогон, жевал консервы и всё никак не ложился. Платон

чувствовал сильный голод, а запах подогретой тушёнки возбуждал зверский аппетит. Примерно через час после того, как молодые уснули, Дима, наконец, зевнул и прилёг рядом с Варягом. Некоторое время Платон наблюдал как Отстрел, засунув руку в штаны пареньку, мастурбирует ему, потом видимо, не добившись никакого успеха, он отвернулся и тоже заснул. Плакальщик, выдержав паузу минут в десять, вылез из своего укрытия и залез на эстакаду. Не удержавшись, он сначала схватил одну из банок и жадно съел тёплую тушёнку. Потом сел, замороженно смотря на огонь и бормоча что-то вроде стихов.

15

Максим был уже изрядно накачан таблетками. Голова шла кругом, хотелось пить, но он во что бы то ни стало, решил довести дело до конца. Девчонка отчаянно сопротивлялась, и ему пришлось разбить ей лицо, прежде чем она поняла, что лучше лежать смирно и не мешать ему. Сначала Макс никак не мог привести свой член в боевое состояние. Возможно, роль сыграло перевозбуждение или огромное количество наркотиков в крови. Потом, когда дело вроде пошло на лад, очнулся брат Денис, и завязалась борьба, которая закончилась для мальчишки печально. Толстый, грузный Максим просто навалился сверху своей тушей на Дениса и сжал его шею. Когда красный туман перед глазами рассеялся, Макс понял, что задушил парня. Особого сожаления он не испытывал, потому что от природы был туповат и эмоционально

не развит. Единственной страстью в его жизни были только женские влагалища и неважно кому они принадлежали, маленькой девочке, глубокой старухе или трупу. После того как Денис перестал дёргаться, Максим снова переключился на Лизу и снова не сразу у него получилось возбудиться до степени нормального стояка. Когда же он наконец то залез на девочку, почти придушив её своими обширными телесами, то обнаружил что не так просто засунуть толстый член в узкое, девственное влагалище. Уже сходя с ума от желания, Максим принялся плевать в промежность девочки, чтоб войти в неё. За этим занятием его и застал Хромой Плакальщик, тихо появившись в дверях. В руках у него виднелась пятидесятисантиметровая, окровавленная арматура. К кончику прилип клочок рыжих волос. Таких же, как у Димы Отстрела.

Лежащая до этого времени без чувств Лиза внезапно пискнула и выгнулась дугой. У Максима начало получаться, а потом арматура обрушилась на голову парня, раскроив тому череп. Тело обмякло, завалилось в сторону и сползло с девочки, обдавая ту потоком горячей крови. Плакальщик смотрел на эту картину, поджав губы и всхлипывая. Потом отбросил арматуру в сторону и вышел, не оглядываясь и не реагируя на призывы девочки помочь ей.

День подходил к вечеру.

Эпилог

Письмо, найденное на теле мёртвой женщины.

Здравствуй неизвестный мне человек, нашедший моё по-

слание. Если Вы читаете это, значит, я мертва, плохие люди добрались до меня. Молю ВАС, спасите моих детей! Дабы уберечь их от верной смерти, я заперла их в подвальном помещении на старом заводе у истока реки Есле. Заперла их я второго октября. По истечению срока в месяц, до ноября, прошу, откройте дверь, выпустите моих деток! При них запас воды и пищи примерно на месяц. В комнате так же находится кейс, в котором лежит Ваша награда. Порядка миллиона рублей, все мои сбережения. Возьмите их, но заклинаю, не причиняйте вред дочке моей и сыну. Заберите все деньги в качестве вознаграждения. И пожалуйста, передайте им – что мама очень любит своих дорогих сына и дочку. И всегда будет с ними.

Конец

14 сентября 2015 г. Самара